УДК 323

DOI 10.17506/articles.mobility.2018.202217

Двойненко Максим Олегович,
старший преподаватель кафедры Международных отношений,
политологии и религиоведения,
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск,
E-mail: dvoinenkomo@susu.ru

Смирнов Максим Георгиевич,
Кандидат философских наук,
доцент кафедры зарубежного регионоведения,
политологии и восточной философии,
Челябинский государственный университет,
г. Челябинск,
E-mail: smirnov771977@mail.ru

**Мобильность как необходимый элемент
формирования образа врага
с целью мобилизации общества
через призму политического дискурса
современной России**

Статья посвящена анализу использования образа врага в медийном пространстве как технологии быстрой мобилизации общества и легитимизации государственной власти в условиях сложной внутриэкономической ситуации и наличия внешнеполитических вызовов. Авторы используют методы сравнительного анализа, анализ социологических данных и экономической статистики для выявления корреляций между увеличением уровня легитимности государственной власти (выраженной в рейтинге доверия и одобрения основных институтов) и уровнем тревожных настроений в обществе по отношению к врагу и динамики развития этой корреляции. В качестве эмпирической базы исследования выступают события политического процесса Российской Федерации в 2012–2017 годах, дающие наиболее наглядный пример использования данного способа мобилизации. При этом в статье обращается внимание на то, что описанная выше технология легитимизации государственной власти за счет построения образа врага в медийном пространстве обладает множеством побочных эффектов и имеет

неустойчивые результаты. В статье сделан вывод о том, что формирование в политическом дискурсе образа врага и дальнейшее его интерактивное транслирование в массовое сознание эффективно мобилизует общество сверху вниз в условиях экономической стагнации и дает государственной власти время решить экономические и политические проблемы. Однако в случае отсутствия динамики к улучшению в экономической сфере общество отказывается считать потребность в безопасности доминирующей ценностью. Вместе с тем легитимность основных институтов власти стремительно снижается. В случае длительного использования данной методики для интеграции общества и легитимации власти появляется необходимость перманентно актуализировать образ врага, делая его адаптивным и мобильным согласно динамике и требованиям современности.

Ключевые слова:

легитимность государственной власти, политическая мобилизация, образ врага, политический дискурс, социальная интеграция.

Политический режим всегда стремится к равновесию, и это равновесие может быть достигнуто соотношением легитимности государственной власти и мобилизации общества вокруг общих целей и задач, выдвинутых ей. Один из маркеров, подтверждающих рост легитимности власти, – увеличение количества её сторонников. При этом общественные отношения сегодня находятся в постоянной динамике. Современное общество, будучи вполне толерантным и нечувствительным к изменениям в понимании фундаментальных ценностей и национальных интересов, считая их в большей степени декларативными, стало уделять наибольшее внимание текущим ценностям. Последние, будучи в известной степени натурализованными и коммерциализированными, имеют высокую динамику в рамках современного социума. Кроме того, источником трансляции подобных ценностей выступают многочисленные акторы, как внутри страны, так и за рубежом. Появляется новая господствующая идеология натурализма, когда натуралистическая парадигма в понимании политической ситуации довлеет над остальными, а «презумпция всеобщего доверия» превращается в «презумпцию всеобщего недоверия» [Смирнов, 2012, с. 35].

В таких условиях происходит значительная диверсификация и нуклеаризация общества в рамках национального социо-

культурного пространства. Это губительно сказывается на возможностях властных структур принимать и реализовывать политические решения.

Социальное пространство, место, где взаимодействуют индивиды по вопросам функционирования социальных групп, отношений индивидов в группе, разделяемые групповые ценности и так далее, – все это П. Сорокин определял как мобильность или наличие в обществе подвижности и склонности к быстрому изменению своих ценностных ориентиров. Следовательно, описанные общественные отношения участия индивидов в политике порождают необходимость контроля данных отношений со стороны государственной власти, правящей элиты и приводят к необходимости постоянно мобилизовать общество. В современных же условиях, когда динамика смены текущих ценностей и социальная мобильность возрастают в десятки раз, контроль социальных отношений представляется чем-то почти нереальным в силу огромного числа акторов их определяющих, большого объема источников и плотности транслируемой информации. Карл Дойч определял мобилизацию как процесс, направленный на изменения индивидуальных характеристик актора, восприятия им институтов в целом, а также потребностей, называя их «новыми образами личной идентичности» [Дойч, 2012, с. 198]. В условиях данного процесса происходит постепенный распад старых приверженностей и замена их новыми паттернами (схемами, образами) социализации и поведения. Проблема же современного общества, в силу сверхвысокой динамики внутренних процессов, видится в высокой мобильности и сменяемости подобных паттернов.

При этом мобилизация общества видится не как единоразовый процесс, а как системное воспроизводство – регулярный процесс вовлечения индивидов и социальных групп в различные формы политической активности.

Политическая мобилизация обладает и определенной двойственностью. Прежде всего, политическая мобилизация является обязательным условием как крупных политических изменений в обществе, так и рутинного стабильного функционирования политического режима [Аберкромби, Хилл, Тернер, 2004, с. 116]. Еще один пример двойственности: мобилизация снизу вверх предполагает высокий уровень стремления общества к участию в политике и выражение его потребностей в условиях борьбы за политическую власть, быстрое достижение намеченных политических целей. Мобилизация сверху

вниз выражается в снижении уровня общественной мобильности и концентрации лояльных сил вокруг государственной власти и субъектов, её олицетворяющих.

Еще одной разновидностью дихотомии, связанной с мобилизацией общества в современных политических системах, выступает смешение автономной и мобилизованной активности граждан в определенной пропорции, в зависимости от специфики политической культуры, социума и т.д. [Гончаров, 1995, с. 130]. Данные процессы протекают естественным образом через достижение баланса сил между субъектами политики, социализацию общества, институализацию общественной жизни.

В силу этих двойственных особенностей процессов мобилизации общества, применяемые технологии мобилизации, невзирая на то, какие цели они преследуют, всегда имеют разнополярные конструктивные и деструктивные последствия. К примеру, борьба с экстремизмом и терроризмом, как способ мобилизации и интеграции общества вокруг общих угроз в современных условиях, наряду с позитивными интеграционными тенденциями, приводит к абстрактизации угроз, апатии и нечувствительности к ним в социуме и, вместе с тем, порождает негативное явление альтертерроризма, создаваемого самим социумом в противовес имеющимся угрозам [Смирнов, 2016, с. 337].

Если же рассматривать политическую мобилизацию общества не как явление или процесс, а как средство достижения политических целей, то следует подчеркнуть, что мобилизация общества, как и любая политическая технология, чаще всего является результатом осознанной деятельности её субъектов. Исследователи подчеркивают, что мобилизация это «средство политики» [Tilly, 1978], то есть базовая технология легитимизации государственной власти. Как технология она также может быть конструктивной и деструктивной.

Конструктивная мобилизация, то есть использование имеющихся ресурсов общества для достижения своих социальных и политических целей, чаще всего функционирует в рамках институционального поля и использует устойчивые рутинные механизмы воздействия, на которые общество отвечает, повинаясь своего рода привычке.

Также возможна и деструктивная вынужденная мобилизация, которая случается в условиях кризисов в разных сферах или серьезного воздействия извне [Соколов, Соловьева, 2013].

Базисная концепция, на которой держится политическая власть в науке, описывается с помощью понятий «легальность» и «легитимность». Под легальностью власти чаще всего понимается соответствие её закону. Понятие же «легитимность» власти, введенное в политологический обиход немецким ученым М. Вебером, можно определить как состояние власти, когда она признается большинством народа законной и справедливой, осуществляемой во имя народа. Природу власти определяет ее характер, то есть легитимность (господство) [Вебер, 2008, с. 28].

Говоря о господстве, можно выделить модель по вертикали, описанную Д. Хелдом, где он приводит семь типов господства, которые частично и полностью могут использоваться для мобилизации общества и достижения легитимности политической власти. Тем самым легитимность политической власти – это не просто доверие со стороны общества к государственной власти, правящей элите или лидеру, но и совокупность технологий формирования этого доверия посредством различных каналов коммуникации и влияния [Held, 1984]. Д. Истон выделил основные источники и объекты легитимности, где к источникам он отнес идеологию, структуру и личные качества лидера [Истон, 1997]. Идеологическая легитимность основывается на позитивной вере в основополагающие ценности общества и политического порядка. Негативным же основанием легитимизации власти, составляющим основу любой политической идеологии, является образ врага как сосредоточение всех угроз и всего того, чему противостоит политическая идеология.

Таким образом, мобилизация общества представляет собой одновременно сложный регулярный политический процесс и, вместе с тем, набор политических технологий управления этим процессом. Сам процесс мобилизации общества является необходимым звеном перманентного процесса легитимизации политической власти. В современных же условиях значительного роста числа и разнообразия политических акторов, натурализации общественных ценностей и крайнего увеличения динамики всех социальных процессов, само применение технологий мобилизации общества находится в кризисном состоянии в силу слабой их мобильности, а следовательно и адаптивности к меняющейся конъюнктуре и многообразию поведенческих паттернов многочисленных многомерных социальных групп. Такие условия реализации политических технологий могут рассматриваться как кризисные, так как элиты, находящиеся у власти, вынуждены отстаивать не только собственную легитим-

ность, но и необходимость вмешательства власти в социальные процессы. В сложившейся ситуации негативные основания легитимации власти, такие как «образ врага», естественным образом приобретают наибольшую актуальность.

Политический дискурс в медийном пространстве «старых медиа» и «новых медиа» перманентно формирует и транслирует новые образы, мобилизующие общество по заказу государственной власти и иных, зачастую скрытых, политических субъектов. Такие образы изменяют мотивацию акторов, влияют на их ценности и тем самым изменяют модели группового поведения.

Политический дискурс предполагает не просто трансляцию совокупности политических образов, создаваемых в медийном пространстве, но и интерактивность данных образов, дающих им возможность становиться более осязаемыми и понятными для общества, тем самым не вызывая отторжения и подготавливая почву для принятия и усвоения таких образов. Семантическая трактовка дискурса даёт возможность характеризовать его как знаково-символическое культурное образование, как культурный код политики [Русакова, Русаков, 2008, с. 9]. При этом нельзя говорить о единообразии мобилизующих образов и их однородности, каждый политический вызов требует от государственной власти обращаться к соизмеримым образам.

Еще одной причиной актуализации «образа врага» в современной политической обстановке выступает поступательное ухудшение условий функционирования общества. В условиях возрастания внешнеполитических угроз, снижения уровня жизни (степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей массой товаров и услуг, используемых в единицу времени) [Доклад № 3, 1996, с. 8], неэффективности государственного управления растет потребность в формировании именно «образа врага», как наиболее доступного способа мобилизации общества и основания легитимизации власти.

Образ врага в политике чаще всего символичен, перманентен и ассоциируется с потенциальной угрозой внутренней и внешней безопасности государства, агрессией или войной. Этот образ имеет два источника происхождения: с одной стороны, он может являться стихийным социальным явлением, а с другой стороны, это сознательно используемая технология, которая основана либо на официальной доктрине государства, либо на вольной политической интерпретации.

Дискурс о враге как технология мобилизации формирует ассоциативные смыслы, содержание которых зависит от общекультурных контекстов, а также от личного опыта и знаний индивидов [Русакова, Русаков, 2008, с. 48]. Следовательно, получение такого опыта индивидами возможно через интерактивность политического дискурса.

Использование образа врага для мобилизации общества и достижения политической легитимности, либо формирование дополнительного кредита доверия к власти со стороны общественности можно проследить в политическом процессе любого государства. Так, термин «враг государства» и схожий с ним «враг народа», в свою очередь, восходил к римскому праву, предполагавшему объявление лица, несущего угрозу национальной целостности, вне закона, и предполагавшему его безусловное уничтожение [Двойненко, 2017, с. 185].

Таким образом, опираясь на концепцию политической теории уровней функционирования политической идеологии, образ врага в политике, как и легитимность государственной власти, базируется сразу в четырех измерениях:

- теоретико-концептуальном как идеология защиты от внешних и внутренних угроз;
- прагматично-политическом, формирующем нормативную основу для принятия управленческих решений и закрепления абстрактного потенциального образа врага;
- амортизационном как способ обоснования негативных процессов в обществе и снижения социальной напряженности;
- актуализированном, характеризующимся степенью принятия гражданами образа врага и значимости борьбы с ним.

Потребность в использовании такой технологии дискурса о враге возникает при наступлении нескольких условий, рассмотренных выше. Наиболее показательным из них является снижение реальных доходов и уровня жизни граждан, что может выступать в качестве маркера оценки применения медийного образа врага.

В Российских условиях такой точкой становится 2013 год, когда из России начинается отток капитала и РОССТАТ начинает фиксировать снижение реальных доходов россиян на протяжении последних четырех лет в своем ежегодном отчете «Информация о социально-экономическом положении России» [Информация ...]. Если взять показатели реальных доходов россиян в 2013 году за 100%, то наблюдается динамика снижения уровня жизни в целом (график 1). Перед госу-

График 1 – Корреляция экономических статистических показателей и отношения к врагу

дарственной властью возникает задача преодоления кризисной ситуации, стагнации экономики и сохранения собственного господства. В этот период в качестве усугубления ситуации начинает реализовываться первая волна антироссийских санкций. Преодоление кризиса и достижение цели государственного развития требует достаточно долгосрочной экономической политики со стороны правительства РФ.

По данным исследования «Левада-Центр», с 2013 года в ходе ежегодных социологических опросов выявился рост осознания россиянами наличия внешней враждебности по отношению к собственному государству, так как показатель 2013 года вырос на 15 пунктов по сравнению с предыдущим годом [Россияне назвали ... , 2018]. Следовательно, можно обратить внимание на возросшую роль образа врага в политическом дискурсе в проправительственных медиа, что свидетельствует о попытке амортизировать кризис, перенаправив внимание и недовольство общества с ухудшающегося экономического состояния на удовлетворение базовой потребности в безопасности.

Стоит отметить достаточную востребованность средств массовой информации среди молодых россиян в возрасте от 18 до 24 лет. По данным «Левада-Центр», более половины из них смотрят новости и новостные шоу по федеральным телеканалам, а в целом 90% россиян смотрят новостные передачи, что подтверждает широкий охват аудитории данного канала воздействия [Смотрите ли вы ... , 2017].

По данным экспертного исследования, проведенного ЦСИ «Платформа» на тему «Социология российского политического телевидения», эксперты выделяют несколько особо обсуждаемых медийных тем, которые способны оказать значительное мобилизационное воздействие на россиян. Данные темы способствовали формированию образа врага на протяжении последних четырех лет, начиная с кризисного 2014 г.: военные и революционные действия на Украине и проецирование их на Россию; борьба с мировым терроризмом и вклад в защиту легальных политических режимов на примере миротворческой военной кампании России в Сирии; потенциальная внешнеполитическая угроза со стороны западных стран и их лидеров; введение санкций на внешнеполитическую деятельность РФ и эффективность антисанкций; непризнание международным сообществом Крыма; сбитый турецкими военными российский истребитель и др. Тем самым, по данным исследования у 61% опрошенных новостная повестка федеральных СМИ вызывает чувство тревоги и беспокойства, а вместе с тем и чувство раздражения по отношению к внешнеполитическим партнерам [Социология ... , 2017].

Использование данного образа положительно влияет на краткосрочную перспективу легитимизации государственной власти через быструю мобилизацию и прирост числа сторонников режима. Приток сторонников увеличивается и из числа ранее несогласных, но рационально осознающих совокупность внешних угроз, влияющих на привычную комфортную жизнь. Особенность данного типа конструктивной мобилизации в том, что помимо своей эффективности в плане быстрого результата она обладает побочным эффектом в виде его краткосрочности и постоянной необходимости поддержания тревожности в обществе, увеличения градуса напряжения в медийных материалах. При наступлении точки невозврата легитимность государственной власти падает, а вместе с тем и уменьшается число сторонников (график 2).

Данные исследования по мониторингу одобрения и доверия россиян к институтам государственной власти показывают интересную корреляцию: при высоком чувстве угрозы, выраженном в осознании наличия врага, увеличивается рейтинг основных политических институтов РФ [Февральские рейтинги ... , 2017]. Особенно значимый мобилизационный скачок воодушевления россиян зафиксирован в 2014–2015 годах, и он связан с несколькими факторами, в том числе увели-

График 2 – Одобрение россиянами основных институтов государственной власти

чением тревожных настроений в обществе. Такими факторами конструктивной мобилизации снизу вверх послужили проведение зимних Олимпийских игр в Сочи и присоединение к РФ республики Крым; фактором конструктивной мобилизации сверху вниз стало ухудшение экономической ситуации, введение внешнеполитических санкций, обострение отношений с Украиной. Наличие образа врага в общественном сознании привело к снижению уровня политической мобильности и замиранию многих общественных институтов за счет высокой легитимности государственной власти и персональной легитимности лидеров.

Описанный выше эффект не может быть перманентным, и на сегодняшний день по данным ВЦИОМ после мартовских выборов президента РФ рейтинг доверия к нему снизился на 7 процентных пунктов – с 55,3% до 48,4%, как свидетельствуют данные исследования, и такая тенденция прослеживается по отношению ко всем институтам государственной власти [Доверие политикам, 2018].

Таким образом, российскую модель мобилизации общества при использовании технологий конструирования в политическом дискурсе образа врага можно считать эффективной для решения краткосрочных мобилизационных задач государственной власти, находящейся в условиях экономической стаг-

нации и внешних санкций. Однако данная технология не предполагает долговременного использования и имеет низкую адаптивность к меняющимся условиям внутриполитической и социально-экономической обстановки. Как было отмечено, легитимность власти начинает снижаться, так как обществу не предоставляются новые вызовы, а активно эксплуатируются старые, которые не адекватны динамике современного российского социума. Это приводит к тому, что для современного российского общества наиболее актуальной и приоритетной становится потребность не в безопасности, а в социальном благополучии. Побочным эффектом данной технологии является сохранение высокого уровня тревожности в обществе за счет сформированности паттернов о враге и перенос этой тревожности в социально-экономическую сферу. Можно сделать вывод о том, что сформированный в российском социуме образ врага не обладает столь необходимым для современного типа общества свойством мобильности, что превращает в целом эффективную модель в нерегулярную, бессистемную и деструктивную, и становится инструментом падения легитимизации власти. Тем более, что эффективные модели на сегодняшний день существуют: это и многоуровневая типологизация врагов-паттернов с условием их мобильной посменной актуализации; это и межпространственная и разновременная диверсификация врагов с условием внутреннего движения каждой из моделей; это и постоянная смена абстрактных и конкретных образов врага. Используемые в российской действительности технологии формирования образа врага оказались неадекватны вызовам общества современного типа с его высокими темпами информационных обменов и циркуляции натурализованных ценностей, вытеснивших и обесценивших ценности сакральные, продуцируемые традиционными политическими институтами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. 2004. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; пер. с англ. И. Г. Ясавеева; под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика. 620 с.

Вебер М. 2008. Типы господства // Личность. Культура. Общество. Т. 10, № 3–4 (42–43). С. 22–32.

Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // Полис: Полит. исслед. 1995. № 6. С. 129–138.

Двойненко М.О. 2017. Медиаобраз врага в контексте технологий мягкой силы // Науч. журн. «Дискурс-Пи». № 3–4 (28–29). С. 183–191.

Доверие политикам [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (дата обращения: 24.10.2018).

Дойч К.В. 2012. Социальная мобилизация и политическое развитие / пер. с англ. В.Г. Николаева // Полит. наука. № 2. С. 196–226.

Доклад № 3 Исследовательского института социального развития ООН (UNRISD). Женева. 1996.

Информация о социально-экономическом положении России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140087276688 (дата обращения: 25.10.2018).

Истон Д. 1997. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли / ред. – сост. Г.К. Ашин, Е.Г. Морозова. М.: Мысль. Т. 2. С. 630–642.

Россияне назвали главных врагов страны [Электронный ресурс]: [социолог. опрос от 10.01.2018] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyane-nazvali-glavnyh-vragov-strany/> (дата обращения: 23.10.2018).

Русакова О.Ф., Русаков В.М. 2008. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: УрО РАН. 282 с.

Смирнов М.Г. 2012. К вопросу о развитии политических идеологий. Идеология натурализма // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Серия: Полит. науки. Востоковедение. № 12 (266). С. 31–37.

Смирнов М.Г. 2016. Идейные основы «альтертерроризма» как современной формы социальной девиации // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития: Двенадцатая науч. – практ. конф. с междунар. участием: сб. ст. Екатеринбург. С. 377–379.

Смотрите ли вы новостные передачи телевизионных каналов [Электронный ресурс]: [социолог. опрос от 31.03.2017] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2017/07/28/prosmotrnovostej> (дата обращения: 23.10.2018).

Соколов А.В., Соловьева А.В. 2013. Мобилизация в общественно-политических кампаниях // Власть. № 11. С. 55–58.

Социология российского политического телевидения [Электронный ресурс], 2017 // Платформа центра соци-

ального проектирования. URL: <http://pltf.ru/2017/02/01/polit-tv/> (дата обращения: 03.08.2017).

Февральские рейтинги одобрения и доверия [Электронный ресурс]: [социолог. опрос от 22.02.2017] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2017/02/22/fevral'skie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-6/> (дата обращения: 24.10.2018).

Tilly C. 1978. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley. 362 p.

Held D. (ed.) 1984. *The British Society Today* / ed. D. Heid. Oxford.

References

Abercrombie N., Hill St., Turner B.S. *Sotsiologicheskii slovar'* [The Penguin Dictionary of Sociology Penguin books], 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Ekonomika, 2004, 620 p. (in Russ.).

Deutsch K.V. *Sotsial'naya mobilizatsiya i politicheskoe razvitiye* [Social mobilization and political development], *Politicheskaya nauka*, 2012, no. 2, pp. 196–226. (in Russ.).

Doklad № 3 Issledovatel'skogo instituta sotsial'nogo razvitiya OON (UNRISD) [Report No. 3 of the UN Social Development Research Institute (UNRISD)], Zheneva, 1996. (in Russ.).

Doverie politikam [Trust in politicians], VTsIOM, available at: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (accessed October 24, 2018). (in Russ.).

Dvoynenko M.O. *Mediaobraz vraga v kontekste tekhnologiy myagkoy sily* [Media image of the enemy in the context of soft power technologies], *Nauchnyy zhurnal «Diskurs-Pi»*, 2017, no. 3–4 (28–29), pp. 183–191. (in Russ.).

Easton D. *Kategorii sistemnogo analiza politiki* [System policy analysis categories], G.K. Ashin, E.G. Morozova (eds.) *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli*, Moscow, Mysl', 1997, vol. 2, pp. 630–642. (in Russ.).

Fevral'skie reytingi odobreniya i doveriya: cotsiolog. opros ot 22.02.2017 [February approval and trust ratings], Levada-Tsentr, available at: <https://www.levada.ru/2017/02/22/fevral'skie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-6/> (accessed October 24, 2018). (in Russ.).

Goncharov D.V. *Politicheskaya mobilizatsiya* [Political mobilization], *Polis: Politicheskie issledovaniya*, 1995, no. 6, pp. 129–138. (in Russ.).

Held D. (ed.) *The British Society Today*, Oxford, 1984.

Informatsiya o sotsial'no-ekonomicheskom polozhenii Rossii [Information on the socio-economic situation in Russia], Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki, available at http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140087276688 (accessed October 25, 2018). (in Russ.).

Rossiyane nazvali glavnykh vragov strany: cotsiolog. opros ot 10.01.2018 [Russians called the main enemies of the country: sociological survey dated 10.01.2018], Levada-Tsentr, available at: <https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyane-nazvali-glavnyh-vragov-strany/> (accessed October 23, 2018). (in Russ.).

Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR-diskurs: teoretiko-metodologicheskii analiz [], Ekaterinburg, UrO RAN, 2008, 282 p. (in Russ.).

Smirnov M.G. Ideynye osnovy «al'terterrorizma» kak sovremennoy formy sotsial'noy deviatsii [The ideological foundations of alterterrorism as a modern form of social deviation], Gosudarstvo, politika, sotsium: vyzovy i strategicheskie priority razvitiya: Dvenadtsataya nauch. – prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem: sb. st., Ekaterinburg, 2016, pp. 377–379. (in Russ.).

Smirnov M.G. K voprosu o razviii politicheskikh ideologiy. Ideologiya naturalizma [On the development of political ideologies. Ideology of naturalism], Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki. Vostokovedenie, 2012, no. 12 (266), C. 31–37. (in Russ.).

Smotrite li vy novostnye peredachi televizionnykh kanalov: cotsiolog. opros ot 31.03.2017 [Do you watch news broadcasts tv channels], Levada-Tsentr, available at: <https://www.levada.ru/2017/07/28/prosmotr-novostej> (accessed October 23, 2018). (in Russ.).

Sokolov A. V., Solovieva A. V. Mobilizatsiya v obshchestvenno-politicheskikh kampaniyakh [Mobilization in social and political campaigns], Vlast', 2013, no. 11, pp. 55–58. (in Russ.).

Sotsiologiya rossiyskogo politicheskogo teledeniya [Sociology of Russian political television], 2017, Platforma tsentra sotsial'nogo proektirovaniya, available at: <http://pltf.ru/2017/02/01/polit-tv/> (accessed 03 Augus, 2017). (in Russ.).

Tilly C. From Mobilization to Revolution, Reading, MA, Addison-Wesley, 1978, 362 p.

Veber M. Tipy gospodstva [Types of domination], Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo, 2008, vol. 10, no. 3–4 (42–43), pp. 22–32. (in Russ.).

Maksim O. Dvoinenko,

Senior Lecturer,

Department of International Relations,

Political Science and Religious Studies,

South Ural State University,

Chelyabinsk,

Russia,

E-mail: dvoinenkomo@susu.ru

Maksim G. Smirnov,

PhD, Assistant Professor of the Department

of Regional Studies, Politology and Oriental Philosophy,

Chelyabinsk State University,

Chelyabinsk,

E-mail: smirnov771977@mail.ru

**Mobility as a Necessary Element
of the Enemy Image Forming
In Terms of Society Mobilization:
Through the Lenses of Political Discourse
in Modern Russia**

Abstract

The article is devoted to the analysis of using the enemy image in the media space as a technology of rapid mobilization of society and the legitimization of state power faced with a complicated internal economic situation and foreign policy challenges. The authors use methods of comparative analysis as well as an analysis of sociological data and economic statistics to identify correlations between an increase in the level of legitimacy of state power (expressed in the rating of trust in and approval of the main institutions) and the level of anxiety in society towards the enemy and to explore the dynamics of this correlation. The events of the political process in the Russian Federation between 2012 and 2017, that gave the most obvious example of using this method of mobilization, serves as an empirical base of research. At the same time, the article draws attention to the fact that the technology of legitimizing state power through building an image of the enemy in the media space has many side effects and produces unstable results. The article comes to a conclusion that the formation of the enemy image in the political discourse and its consequent interactive transmission to the mass consciousness effectively mobilizes the society from top

to bottom in the context of economic stagnation and gives the government a time to solve economic and political problems. However, given the absence of dynamics towards an improvement in the economic sphere, the society refuses to consider the need in security as the dominant value. At the same time, the legitimacy of the basic institutions of power is rapidly declining. In case of long-term use of those methods to integrate the society and to legitimate the power, there is a need to permanently update the enemy image, making it adaptive and mobile according to the dynamics and requirements of modern times.

Keywords:

legitimacy of state power, political mobilization, enemy image, political discourse, social integration.